

Мария Стародубцева с. Кытманово, Алтайский край

Путь домой

Повесть

Глава 6

Какая жизнь у калеки? Я настолько беспомощен, что мать вынуждена меня даже брить. Получается у неё плохо, у меня на лице горят порезы от бритвы. Раза четыре за утро я захожу в ванную и долго смотрю невидящим взглядом на полку с бритвенными принадлежностями, она слева, маленькая белая пластмассовая полка, на которой лежит острый станок; лежит на самом краю, надо только осторожно протянуть руку и взять его, чтобы он не упал. Бритва новая, я менял её неделю назад, вытащить её из станка и полоснуть по вене, а ещё лучше – по горлу, – дело одной секунды. Она маленькая, резать надо одним быстрым чётким движением. Чёрт, как заманчиво. Один удар – и избавление от проблем. Мать не будет раздражаться из-за меня, я не буду беситься от любого своего неуверенного движения и падения предметов, когда я до них дотрагиваюсь, Мотор не получит

себе обузу, ему не нужно будет ходить сюда каждый день, как на работу. Так легко, так близко и так неосуществимо! Неужели я такой трус, что не способен даже свести счёты с жизнью инвалида? Может быть, но я так не могу, реально не могу! Неужели ради этого мы росли с пацанами на одном дворе, бегали в одну школу, резались тайком в покер и мечтали о красотках из «Дневников вампира», хоть и считали этот сериал ванильной девчачьей мутью? Мы мечтали, как станем большими боссами и вернёмся сюда, на нашу улицу, к старым друзьям, и будем вместе гулять за встречу. Спорили, кому какая достанется девушка, и Гугл при этом всякий раз загадочно ухмылялся, он-то уже водил свою Алину на нормальные свидания, а не зависал на вечеринках, как Мотор, просыпаясь каждое утро неизвестно где, и не спал до полудня, завалившись в четыре утра в пылу игры, как мы с Герингом. Мы называли Гугла вечным женихом и пророчили ему скорый развод, он вскипал и посылал нас к чёрту. А потом он привёл Алину в нашу общагу, знакомить, и мы устроили ей импровизированные смотрины, за ней не ухаживал тогда только Геринг, связавший судьбу с хакерством и парнями с факультета информатики, мечтавшими взломать сайт Пентагона. Насчёт Пентагона не знаю, но вот всех преподавов ВКонтакте взламывали раз по пять в месяц, а мы потом ржали над их глупыми паролями, вроде даты дня рождения или имени любимой дочери. Алина всем понравилась, я с тоской сообщил Гуглу, что он украл моё счастье и я навечно принадлежу теперь святому братству геймеров, а он туда уже не вхож. Пропал Гугл, ему теперь не до игр по полночи, потерял вкус к жизни! Гугл в ответ гордо улыбался, приобнимая за талию смущённо хихикающую Алину и свысока на нас поглядывая. Ну, мы не отставали, последняя студенческая весна обязывала, мы нахватили себе девушек и не вылезали со свиданий. Потом экзамены, девушки испарились, и мы ударились в кубковые соревнования по баскетболу и беготню с зачётками по универу.

Воспоминаниями удаётся ненадолго себя подбодрить, хотя обманывать собственную персону как-то даже обидно. Но если я сейчас перережу себе вены, обиднее будет вдвойне! Нет, Витёк, успокаиваю я себя, ты так просто не сдашься, мы ещё сыграем на своём поле. Разбить матери сердце ещё не было целью моей жизни, нет, я не псих там какой-нибудь! Про бритву постарался забыть поскорее.

Приучил себя расхаживать по комнате взад-вперёд, опираясь на костыль: он громко стучит об пол, и так я угадываю стены и стулья. Мать доводит мерный монотонный стук, она постоянно кричит мне, чтобы я перестал, но я продолжаю ходить. Ноги, мои чёртовы ноги! Соревнования по баскетболу проводились часто, мы не вылезали со сборов и тренировок, в баскетболе ведь главное – ноги. Мы тренировались до поздних вечеров, не уходили с парнями с треков стадиона, из залов нашего университетского спорткомплекса. Придёшь домой, в общагу, завалишься на кровать, вытянешь ноги и слушаешь, как они пульсируют от быстрого бега и ударов, как ноют зашибленные колени и натёртые десять раз на одном месте мозоли, и радуешься, что через два дня общеузовские соревнования, а ты в команде. Теперь ноги потеряли свою упругость и пружинистость, ощупывая их я натываюсь на дряблую кожу, на рыхлое мясо и наросший жир, массируя атрофировавшиеся от долгой неподвижности мускулы. Ковыляя по дому, натываясь на стены и цепляясь за цветы, которые вечно падают, я ищу наш шкаф, на который мать ставила кубки и медали, привезенные мной с соревнований, командных и индивидуальных, ищу и не могу найти. Мать просить бесполезно, она часа не может выдержать со мной рядом, убегает из дому под любым предлогом. С какой бы радостью я сам сбегал, вот только куда? Сбоку гремит телевизор, он должен стоять на высокой, мне по пояс, коричневой тумбе под дерево, я осторожно вытягиваю вперёд руку, делаю полшага, упираюсь в неё и замираю. Это уже лучше, несколько дней назад я здорово

ударился ногой об тумбу, потом прыгал по комнате, шипя, как обозлённая кошка. Так, тумба слева, значит, шкаф должен быть справа, вот он. Шарю по его верху, собирая пыль. Рука натывается на холодные грязные кругляшки медалей, резкое движение – один из четырёх кубков падает на пол, я нагибаюсь и долго ищу его под стульями. Медали, я их помню наизусть, награды за первое и второе места на командных соревнованиях по баскетболу, я могу нащупать выгравированные на маленьких кругляшках цифры, но не понимаю, какие они. Чёрт, я не хочу превращаться в тех калек, которых видел иногда по телевизору, в слепых с белыми тростями, лабрадорами-поводырями и книжками, написанными на Брайле, чёрт, только не это! Коляска и собака – символы инвалида, ущербного, калеки... нет, я же не такой, я не стану ползать по улице с собакой, я её даже купить не смогу. Мои пальцы нащупывают кубок за первое место, мы получили его на втором курсе, когда меня выбрали капитаном команды. Я помню, как стоял с ним перед нашим деканом, он жал мне руку и поздравлял с победой, улыбаясь во весь рот, а я, ошалев от счастья, изо всех сил старался сохранить серьёзный невозмутимый вид. А Гугл с Мотором, приехавшие в качестве группы поддержки, орали на трибуне и трясли плакат с нашей командой. Неужели мне только и остались воспоминания о беззаботных днях, прокалённых уральской жарой и зимним холодом? Я не хочу становиться овощем, ушедшим в себя хроником, ворчащим и брюзжащим на всех, но, чёрт, я уже в него превращаюсь! Вообще ничего не вижу, как же меня это бесит! Бесит, бесит, бесит до слёз! Ну за что это мне, за что? Почему чёртов джип врезался именно в наш автобус?! Раньше, когда для меня существовали книги, я читал иногда стимпанки, альтернативную историю, вроде того, что было бы, если б, например, не застрелили в 1914 году эрцгерцога Фердинанда и тому подобное. Похоже, надо теперь писать свой стимпанк: что было бы, если бы автобус не занесло на дороге.

Чёрт, до чего неудобно ходить с костылём и тыкаться в стены! Мне нужен мой комп.

– Мам, – кричу я в сторону кухни, – ты не знаешь, где мой ноутбук?

– У тебя на столе, – немного удивлённо и раздражённо говорит она. – Зачем он тебе?

Я плетусь туда, где должна находиться моя комната, врезаюсь в дверной косяк плечом, шарахаюсь в сторону, почти падая и нащупывая свою койку. Так, значит, стол рядом, справа сзади. Шарю по нему, опрокидываю второпях стакан с ручками, они разбегаются по столу, некоторые падают на пол, на ковёр. Вот, нашариваю компьютер, открываю его, осторожно вожу пальцами по кнопкам, ища кнопку включения. Она большая, немного выпуклая, в верхнем углу справа. Наштупываю её, тычусь в клавиатуру, нажимаю кучу кнопок подряд. Ноут тихо гудит, включил. Жду пару минут, пока система загружается, нащупываю тачпад. Я знаю, что сейчас, пока я вожу пальцем по панели, курсор бежит по экрану, но я его не вижу, не ориентируюсь. Чёрт. Придётся отвлекать мать, а я даже толком не знаю, утро сейчас или вечер.

– Мать, иди сюда!

– Чего тебе? – она за стенкой, в кухне. – Что кричишь, я же рядом.

– Слушай, выйди, пожалуйста, в Интернет. – Кажется, мать довольна, что спустя почти два месяца я впервые притрагиваюсь к компу, а не валяюсь на диване по полдня. – Вышла?

– Да.

– Спроси в поисковике, где заказать собаку-поводыря, просто интересно. Для очистки совести.

Мать некоторое время ищет, потом смеётся. Истерически смеётся.

– Чего там?

– Если заключать договор, собака может быть передана бесплатно, но это в Москве. А если покупать обученную собаку, это от 100 тысяч.

– Ясно, мать, – я ободряюще хлопаю её по плечу. – Дай мне телефон, набери Никиту. Алло, Никит? Привет. Слушай, можешь зайти к нам, не занят?

– Нет, – отвечает обиженный голос. Он ещё помнит, что было вчера, и я помню, ещё как. Но сейчас мне приходится засунуть гордость подальше.

– Никит, извини, что я тут вчера сорвался, крыша поехала от безделья. Ты и так отсюда не вылезашь, реально, извини, – говорю я скороговоркой в телефон, Никита довольно фыркает в ответ.

– Да не вопрос, Вить, не бери в голову. По-моему, за четыре года универа я привык к твоим психам, не удивишь. Чего там тебе надо, записываешься в овощи и просишь сдать тебя в богадельню? – ехидно спрашивает он. Подкалывает, чтобы я не сильно замыкался в себе. Нет, зря Никитос закончил заочку по психологии, он нам тогда по этому поводу все уши прожужжал, Фрейд недоделанный!

– Не дождёшься, Мотор, – насмешливо говорю я. – Иди в богадельню сам, только по дороге зайди в магаз и купи мне гвозди маленькие и бечёвку тонкую, типа бельевой, я потом рассчитаюсь. Да, и не вздумай брать какую-нибудь пёструю и цветную!

– Ты ж не увидишь! – хихикает Мотор, явно довольный моим, хоть и вполонину наигранным, но относительно бодрым голосом.

– Я учую! – усмехаюсь я и отключаюсь.

Мотор нарисовался минут через двадцать, мать предложила ему пообедать, он отказался, строя из себя само стеснение.

– Ну, вот твои гвозди. Верёвка белая, не цветная, специально выбирал. – Судя по голосу, он ухмыляется во всю ширину челюстей.

– Хорошо. Мам, у нас вроде в ящике молоток был, я его в том году брал.

Она приносит маленький молоток. Прямо точно знаю, какими округлившимися глазами на меня сейчас пялится Мотор. Мать, похоже, вообще на седьмом небе, что сын наконец-то перестал корчить из себя нюню.

– Никит, можешь помочь? Вбей гвозди в дверные косяки, а я повяжу на них верёвки. Не поверишь, достало с костылём врезаться от стенки к стенке, решил себе маршрут

набить. Плюс выгода для стирки, бельевую верёвку покупать не надо. Ну как тебе идея?

– Должно выгореть! – довольным тоном урчит Мотор с глубоким знанием дела, он ведь полжизни возился с калеками. Хотя об этом лучше не думать. Не думать! Я не калека! – Твоя маманя не расшибётся на таких растяхках?

– Я их высоко повяжу, она маленькая, будет нырять под ними. Точно говорю, срабotaет!

Никита сосредоточенно вбивает маленькие гвозди до половины, чтобы на них можно было закрепить узлы, стараясь не расколоть при этом косяки дверей: один косяк – один гвоздь. Потом он показывает мне, куда вязать, я затягиваю на каждом гвозде по несколько узлов. Затем пробую пройти из одной комнаты в другую, реально работает! Можно идти довольно быстро, цепляясь за верёвки, и не впечатываться при этом во все углы!

– Так, – серьёзно говорит Мотор, наблюдая за тем, как я скачу по комнатам быстрее сайгака. – Витёк, это надо отметить. Я опять в магаз!

– Нет, я сама сбегая, – приглушённым от радости голосом говорит мама. – Что купить, мальчики?

Прямо как раньше, когда мы всей четвёркой вваливались сюда и посылали её за пепси, потому что только у меня тарелка ловила канал «Матч», а мы не пропускали ни одного гола и ни одного чемпионата. Нет, спорт – это святое, без вопросов.

– Тётъ Лид, купите нам очень-очень холодного... кваса. – Мотор хитрый как лисица, знает, что пива она не купит, а квас в тридцать градусов – это с удовольствием. Лето нынче – настоящее пекло, не то что в том году, когда половину июля лили дожди. Наверно, они начнутся ближе к августу. Мать, кажется, щёлкает Мотора по носу и убегает в магаз. Я нашариваю на кресле пульт от телевизора, там идёт какой-то сериал, насколько я могу судить. Мы с Мотором сидим в креслах, вытянув ноги, он листает каналы, натывается на триллер.

– Зомби показывают? – спрашиваю я, постукивая костылём по ноге.

– Вампиров, как обычно, – отвечает он, – «Сверхъестественное». Помнишь, про двух братьев на внедорожнике?

– А, ясно.

– Курить охота. – Мотор с наслаждением вытягивается в кресле. – При тебе можно?

Вчерашняя вспышка гнева улетучилась, как вода на жаре, мне нет дела до сигарет.

– Сколько влезет.

Мотор затягивается, потом говорит:

– Молодец, Витёк, что очнулся. Твоя мать на тебя смотреть боялась.

– Я вчера слышал, – криво усмехаюсь я. – Неохота сидеть, как девяностолетний старик, в кресле с палочкой. А с поводырём ходить не хочу, да и дорого, мать не потянет. Никита, когда в город едешь?

– В конце августа, скорее всего. Вчера отправил резюме в фирму, теперь трясусь. Прикинь, фотку отправил прошлогоднюю, они не знают, что у меня рука сухая и глаз дёргается. Не должны завалить, а?

– Тебя не завалят, кого им тогда брать? – говорю я. – Ты уже не вернёшься?

– Не знаю. Вить, я, если не взбесишься... – Кресло скрипит, он поворачивается ко мне.

– Что?

– Твоя мать тебя не потянет, сам знаешь. Я всё равно жениться в ближайшее время не собираюсь, а к осени батя вернётся, так что за мамку я не беспокоюсь. Как ты смотришь, если я буду от своей зарплаты вам деньги отчислять, если устроюсь?

– Отрицательно смотрю, – фыркаю я, – не хочу сидеть ещё и на твоей шее. Мотор, ты сам не знаешь, устроишься или нет, ещё и меня с матерью тащить хочешь. Не надо, реально не надо, даже не то что мне обидно или тому подобное, ты сам сорвёшься быстро. Не такой уж я инвалид, к августу должен научиться обслуживать себя полностью, вот и верёвки эти пригодятся. Серьёзно, не надо, и тайком нам деньги не перечисляй.

– Как хочешь, – вздыхает Никита. – Что вообще делать предполагаешь?

– Не знаю, но только не валяться на диване! – усмехаюсь я. – Хватит, надоело. Если

психовать и дальше, то я просто тупо сопьюсь за полгода, вспоминая былые лавры и прочую дребедень, и отправлюсь вслед за Гуглом и Герингом. Но иск я всё-таки подам, скачаю форму из Интернета.

– Точно решил? Хотя я тебя знаю, можешь не отвечать. Я на неделе еду в город, могу узнать про дело по ДТП, у меня приятель в прокуратуру идти хочет, документы оформляет. А ты тогда свяжись с Алиной, она же юрфак окончила, должна знать, как грамотно обратиться в суд.

– Да, и тогда нужно попробовать найти оставшихся пассажиров, – живо откликаюсь я. – И получить доступ к материалам дела. По рукам?

– По рукам! Давай, быстрее вставай на ноги, как инвалид ты нам не нужен! – Никита ехидно смеётся.

– Само собой! – довольно вытягиваясь, отвечаю я. В самом деле, нервы нужно спрятать подальше и идти к поставленной цели – стать не ущербным калекой, а таким же, как все. Это тот же спорт: победить или проиграть, только в моем случае поражение будет означать согласие на приют для слепых. А туда мне никак нельзя. Надо доказать прежде всего себе, что я не карикатура на че-

ловека, я живая и полноценная личность. Сегодняшний эксперимент с верёвками для передвижения удался, значит, удастся и всё остальное, и это нужно повторять себе как мантру, как заклинание, каждый день. В спорте без уверенности в своих силах не выиграешь, без накаченных ног мяч в кольцо в баскетболе не забросишь, его у тебя перехватят, и твою победу отнимут. Так было один раз, и тогда мы поклялись, что больше не проиграем. Теперь клятву надо выполнять и надеяться только на свою шкуру. Я не буду читать по Брайлю и ходить с белой тростью, это для меня слишком унижительно! По верёвкам я добираюсь до своей комнаты и ноутбука. Мне нужно выучить расположение клавиш и настроить себе звуковую клавиатуру и голосовой поиск, тогда я смогу ориентироваться на рабочем столе компьютера. Мотор убежал к себе, мать смотрит телевизор, не хочет мне мешать. Тем лучше.

(Продолжение следует)

Больше произведений автора
по ссылкам

proza.ru/avtor/maria70
stihi.ru/avtor/snegova1

Волны бьются о скалы

Психологическая драма

Кол-во страниц: 80
Формат: А5
Обложка и переплёт:
мягкая глянцева

Купить книгу по ссылке

planeta-knig.ru/shop/1825/desc/volny-bjutsja-o-skaly